

Т.А. Черная

Иконографическая коллекция доктора Зибольда “*Flora japonica delineationibus*”

В статье раскрывается история создания уникальной ботанико-иконографической коллекции *Flora japonica delineationibus*, составленной одним из первых исследователей Японии доктором Филиппом Францем фон Зибольдом. Особое внимание уделяется факторам и обстоятельствам, определившим специфику иллюстраций и особенности состава иконографии, благодаря которым она приобрела непреходящую научную, художественную и историческую ценность.

Ключевые слова: Филипп Франц фон Зибольд, Япония, научно-художественная ботаническая иллюстрация, Кавахара Кэйга.

1. История создания коллекции и ее бытование при жизни Зибольда

В Санкт-Петербурге, в Библиотеке Ботанического института РАН им. В.Л. Комарова хранится замечательное «восьмитомное» собрание из 1054 изображений японских растений под названием *Flora japonica delineationibus*, что можно перевести как *Флора Японии в иллюстрациях* или *Рисованная японская флора*¹. Создателем этой выдающейся коллекции является один из первых европейских исследователей Страны восходящего солнца, немецкий врач и натуралист Филипп Франц фон Зибольд (1796–1866) (илл. 1).

На протяжении 40 лет, буквально с первых месяцев пребывания в Японии и вплоть до конца отпущенного ученому жизненного срока, *Flora delineationibus* являлась для Зибольда неотъемлемой частью жизни. Около двух третей коллекции были собраны исследователем в период его первого японского визита (1823–1829), но и по возвращении в Европу он продолжал пополнять и совершенствовать иконографию, активно использовал её материалы в научной работе, заботился о дальнейшей судьбе коллекции. В результате неустанных трудов доктору Зибольду удалось создать уникальное собрание изображений и одарить потомков подлинным памятником культуры.

Иллюстрации, составившие *Рисованную флору*, обладают двуединой научно-художественной природой и представляют интерес не только как ботанические и ботанико-исторические документы, но и как произведения изобразительного искусства. В свою очередь, круг интереса к собранию расширяют исключительные условия его создания, «рождение» коллекции в изолированной стране в самом начале активного приобщения Японии к достижениям западной культуры и цивилизации. В силу всех

¹ *Siebold Ph. Fr. Flora Japonica delineationibus ac picturis illustrata cura Ph. Fr. de Siebold. В 8 т. (Коллекция изображений японских растений, собранных Зибольдом в 1823–1862 гг.). 1054 рис. 9,3–46,0×12,7–65,6 см, бумага, краски, тушь, карандаш.*

Далее для краткости мы будем именовать коллекцию *Flora delineationibus* или *Рисованная флора*.

Илл. 1

Внешний вид «томов»-футляров *Flora japonica delineationibus*

этих обстоятельств ботаническая иконография Зибольда стала полем творческого взаимодействия разных областей человеческой деятельности, разных исторических пластов общественного развития и разных культур.

Рисованная флора органично вписалась в научный контекст мировой и японской ботанической науки, однако многогранное содержание коллекции не позволяет «заточить» её в отдельной специализированной сфере. Множество самых разнообразных, иногда, казалось бы, неожиданных, но вполне органичных *первоначальных* взаимосвязей глубоко укоренили иконографию в плоти современной ей эпохи. Коллекция сохранила и донесла до нас многоцветную ауру своих создателей, спаянную воедино и обогащенную духовной энергией Зибольда. Она впитала вещество и дух своего времени, уловила и запечатлела биение его пульса и предстала перед потомками необычной летописью, записанной пленительными «письменами» ботанического искусства. Однако ботаническое изложение истории требует пояснений, а «волшебный кристалл» иллюстрации при рассмотрении прошлого следует поворачивать разными гранями и под разными углами. При этом одним из обязательных направлений является знакомство с целями и обстоятельствами создания коллекции, без знания которых *Рисованную флору* невозможно оценить по достоинству.

Немного о предыстории собрания

Появление в Европе в первой трети XIX столетия обширной коллекции достоверных изображений японских растений стало долгожданным событием и для ученых, и для широкого круга любителей ботаники. Собрание Зибольда открывало новые горизонты в познании растительного мира далекого архипелага, на протяжении столетий оставшегося неразгаданной загадкой. Самоизоляция Японии от внешнего мира более двух веков (вплоть до революции Мэйдзи 1868 г.) делала страну недоступной для иностранцев. На ее территорию допускались лишь китайские и голландские тор-

говцы, поставлявшие «экзотические» товары, предназначенные для верхних слоев японского общества. Привилегированные иностранцы проникали на острова через строго контролируемый «просвет в занавеси», необходимость которого определялась не только и, быть может, не столько интересами торговли, сколько возможностью получения властями полезной информации.

Единственным местом в Японии, куда в соответствии с жесткой регламентацией разрешался допуск иностранных торговых судов, был порт Нагасаки. Однако и здесь чужестранцы существовали на особых условиях, нарушение которых было чревато большими неприятностями и даже могло поставить под угрозу жизнь виновного и связанных с ним людей. Наиболее суровым ограничениям подвергались европейцы, которые являлись носителями христианской веры, по мнению правительства, угрожавшей национальной безопасности страны. «Красноволосые варвары» были тщательно изолированы в гавани Нагасаки на крошечном искусственном островке Дэсима, который с 1641 г. служил резиденцией для голландской Объединенной Ост-Индской компании. Здесь, в стесненном пространстве, вмещавшем всего несколько жилых, складских и подсобных помещений, и протекала жизнь европейцев. Круг общения обитателей островка был настолько жестко лимитирован, что даже из экипажа голландских судов на Дэсима не допускался никто, кроме капитана. С японской стороны посещение миссии и контакты с иностранцами были возможны только для строго подконтрольных официальных фигурантов, в число которых, не считая слуг, преимущественно входили переводчики и торговые посредники. Иногда, по обоснованной надобности, дэсимский поселенец мог «в установленном порядке» оформить специальное разрешение и в виде исключения на короткий срок² оставить пределы острова. Однако свобода счастливец, на законных основаниях покидавшего факторию в окружении свиты сопровождения, стоила немалых денег³ и была регламентирована временем, местом и заявленной целью. Возможность более основательного знакомства со страной пребывания появлялась только у «избранных» обитателей Дэсима, сопровождавших главу миссии («капитана») во время официального визита ко двору сёгуна⁴. Однако путешествие в Эдо (Токио), которое в благоприятные для торговли времена совершалось ежегодно, с 1792 г. происходило всего один раз за четырехлетний период. Таким образом, существование на острове оказывалось сродни томительному тюремному заключению, однообразную скуку которого весьма выразительно характеризовал Карл Петер Тунберг (1743–1828), сказавший: «Заживо сходит в могилу европеец, осужденный на житье в этом уединении» (Путешествие по Японии, 1854, с. 170).

Жить на Дэсима было нелегко, но, чтобы попасть на этот дважды закрытый островок, ученому-натуралисту нужна была не только сильнейшая личная мотивация, но и большая удача. Достаточно вспомнить пионера научного изучения Японии, немецкого врача Энгельберта Кемпфера (1651–1716), который достиг Японии после семилетних странствий по территории Европы, России, Ирана, полуострова Индостан и его портовым городам. В конце концов судьба привела путешественника на остров Ява, в Батавию, которая играла роль «столицы» голландских колониальных властей в Юго-

² Не более чем на 24 часа и без возможности ночлега вне острова.

³ Так, Хендрик Дёфф (Hendrik Doeff, японское имя Дёфу, 1777–1835), возглавлявший голландскую торговую миссию с 1804 по 1817 г., сообщал Николаю Петровичу Резанову (1764–1807), главе русского посольства в Японию в 1804–1805 гг., что выход в город лично для него, Дёффа, стоит 16 талеров, а с оплатой обязательного сопровождения доходит до 400 талеров (*Военский К.* Русское посольство, с. 226).

⁴ По регламенту этим счастливым шансом могли воспользоваться только сам «капитан», его секретарь и доктор.

Восточной Азии. Отсюда Кемпфер и попал в главный порт своего жизненного предназначения, в «таинственную Японию», где в качестве врача голландской миссии прожил два года — с сентября 1690 по ноябрь 1692 г. По счастливому стечению обстоятельств любознательному доктору удалось дважды побывать в Эдо и собрать весьма обширную и разнообразную информацию, среди которой нашлось достойное место и для ботаники. В 1712 г. после выхода *Amoenitatum exoticarum*, единственной прижизненной публикации первооткрывателя, европейцы познакомились с описаниями примерно пяти сотен японских растений и увидели 28 весьма привлекательных изображений, в числе которых были, например, «портреты» таких «звезд» растительного мира, как японская камелия (*Camellia japonica*), гингко (*Gingko biloba*) и др.⁵

Работа Кемпфера долгое время была для Запада основным источником сведений о растениях Японии, и только спустя 85 лет после ее появления европейцы получили качественно новую ботаническую пищу, добытую Карлом Петером Тунбергом. Этот второй европейский исследователь «Страны благодатных осеней», подобно Кемпферу, был врачом⁶, но, в отличие от предшественника, он жил уже в другую научную эпоху. Шведскому доктору посчастливилось быть учеником и последователем своего великого соотечественника, реформатора «естественной истории»⁷ Карла Линнея (1707–1778), идеи которого воодушевили Тунберга на получение второй (ботанической) профессии. В итоге на Дэсима прибыл не только квалифицированный доктор, но и профессиональный деятель новой ботаники. Заметим, что исследователь отправился в Японию при финансовой и идейной поддержке группы голландских любителей ботаники и имел определенные ботанические цели.

Обогнув на голландском паруснике западное побережье Африканского континента, судовой врач Тунберг добрался до мыса Доброй Надежды, где сделал запланированную остановку, продлившуюся три года (1772–1775). Этот длительный срок, по всей вероятности, был рассчитан на то, чтобы попасть на Дэсима именно в тот год, когда представительство голландской миссии должно было совершить путешествие ко двору сёгуна. Наконец в августе 1775 г. ученый прибыл в голландскую факторию, где ему предстояло пробыть до ноября 1776 г. и за это сравнительно недолгое время совершить четырехмесячную поездку в Эдо.

К моменту прибытия Тунберга жизнь голландцев в Японии практически не изменилась. Крошечная миссия, насчитывавшая в то время всего шесть членов⁸, по-прежнему существовала в условиях строгой изоляции, воздвигавшей многочисленные, порой непреодолимые препятствия на пути научных исследований. Так, на Дэсима ботаник был «отлучен» от природы и с растительным миром вынужден был «общаться через переводчиков», которых он *расспрашивал* о растениях и через посредство которых приобретал некоторые живые образцы. Случалось, что исследователю приходилось извлекать интересующие его экземпляры в процессе «изучения» травы и сена, доставляемых на остров как корм для скота. Разумеется, пополнение набора лекарственных средств являлось весомой причиной, по которой *доктор* мог получить (и получал) разрешение для сбора растений в ближайших окрестностях Нагасаки. Однако из-за необходимости оплачивать лиц сопровождения подобные

⁵ Отметим, что часть описанных Кемпфером японских растений имела китайское происхождение, примером чему может служить упомянутый *Gingko biloba*.

⁶ Заметим, что помимо торговцев врачи были представителями единственной профессии, принадлежность к которой давала право на проживание в голландской фактории.

⁷ Под названием «естественная история» в Европе того времени объединялись естественные науки.

⁸ Количество жителей фактории колебалось в разные годы. Так, во время визита Зибольда на Дэсима проживали 12 человек.

экскурсии на природу были для него (как впоследствии и для Зибольда) событием исключительным. По существу, ботанику удалось самостоятельно пополнить гербарий только во время путешествия ко двору сёгуна, когда в лесистой местности на горе Хаконэ у него появился повод выйти из паланкина «для облегчения труда носильщиков». Прогуливаясь по обочинам дороги, он наконец-то приобщился к флоре, не откорректированной руками трудолюбивых крестьян, успешно борющихся с сорняками на возделываемых землях. Естественно, что такого рода исключения не решали проблему доступа к объектам. По всей вероятности, после шестнадцати месяцев упорной работы исследователь осознал, что доступные ему методы добывания информации перестают быть продуктивными и дальнейшее пополнение ботанических данных становится все более и более проблематичным. В результате он счел нецелесообразным продолжать свое «сидение на Дэсима» и вернулся в Европу, чтобы заняться обработкой и обнародованием уже добытых сведений.

В 1784 г. Тунберг опубликовал свою *Flora Japonica*, в которой представил более восьми сотен описаний японских растений⁹. Новая работа существенно расширила масштаб ботанических исследований региона, но ее главное преимущество состояло в использовании нововведений Линнея, и в том числе — правил номенклатуры, действительных по сей день. По этой причине книга шведского ученого положила начало профессиональному изучению растительного мира Страны восходящего солнца и непосредственно вошла «в копилку» современной науки. К сожалению, в издание были включены всего 39 невыразительных черно-белых иллюстраций, которые не давали представления о живых объектах.

Труд Тунберга был огромным достижением на пути познания растительного царства Японии, но он подразумевал продолжение и чем дальше, тем настойчивее его требовал. Между тем десятилетия сменяли друг друга, а новые герои не появлялись. Сведения, собранные Кемпфером и Тунбергом, при всей их важности относились к прошлому и были уже совершенно недостаточны. К тому же в XIX в. мировые часы пошли значительно быстрее и жизнь во всех ее областях начала изменяться невиданными темпами. Развитие науки ускорялось, объем информации стремительно возрастал. Экономическая и политическая картина мира решительно менялась, и перемены требовали от государств постоянного внимания и многих усилий для сохранения и продвижения собственных интересов. Нидерланды, пережившие в начале века бурный и опасный период своей истории, стремились к укреплению и развитию особых отношений с Японией, длившихся к тому времени около двух столетий. Голландское правительство придавало огромное значение объективному и всестороннему изучению страны-партнера и ее просвещению относительно достоинств западной цивилизации. Руководствуясь этой позицией, метрополия активно побуждала колониальные власти на Яве к содействию своим намерениям. В подобных обстоятельствах давно убыточная дэсимская торговая фактория приобретала статус важного политического форпоста королевства, а крошечный островок получал шанс стать родной качественно нового этапа отношений между Японией и Западом.

Однако в сложной обстановке закрытой страны возможности решения многотрудных и разноаспектных задач были крайне ограничены. В частности, любые планы властей должны были исходить из того, что на Дэсима нельзя послать команду исследователей, а потому решение проблемы зависело от появления неординарной «универсальной» личности, наделенной многими достоинствами. В факторию требовался особенный доктор, разносторонне образованный и высокоодаренный, соче-

⁹ В их число вошли описания примерно 370 новых для науки видов.

тающий страстную увлеченность наукой и преданность делу, человек предприимчивый и коммуникабельный. Час Филиппа Франца фон Зибольда пробил.

**Первый визит Зибольда в Страну восходящего солнца.
Несколько слов о просветительской, исследовательской
и коллекционерской деятельности доктора**

Немец по национальности, уроженец Вюрцбурга, Зибольд происходил из семьи заслуженных врачей и ученых, несколько поколений которых с энтузиазмом отдавали свои силы на благо обществу, медицине и естествознанию. Следуя семейной традиции, Филипп Франц в 1820 г. блестяще завершил университетское образование и стал доктором медицины, хирургии и акушерства. Тогда же он начал собственную практику в пригороде Вюрцбурга, где проработал около двух с половиной лет, получив прекрасные отзывы местных властей. Успешная врачебная карьера Зибольда была очевидна, но молодой человек обладал неутолимой тягой к исследовательской работе и душой первопроходца, которой было тесно в обжитом уюте «цивилизированной Европы». Кипучая натура жаждала новых знаний и впечатлений. По его собственному признанию, Зибольд был одержим мечтой побывать «в единственной стране, в самом дальнем уголке, куда проникли дети Европы» (цит. по: Путешествие по Японии, 1854, с. 8). Стремясь к исполнению этой мечты, Филипп Франц, поддержанный двумя немецкими научными обществами¹⁰, поступает на голландскую колониальную службу. По рекомендации друга семьи Франца Харбаура¹¹, генерального инспектора военно-медицинской службы в Нидерландах, Зибольд в 26 лет получает завидный пост военного врача и чин майора¹². Основанием для такого назначения была безупречная репутация семьи и несомненные достоинства кандидата. Харбаур полагал, что государство выиграет, принимая на службу этого многообещающего молодого специалиста¹³.

Окрыленный светлыми надеждами, Зибольд, принявший на себя функции судового врача, ступает на борт фрегата «Юная Адриана» (“Jonge Adriaan”) и через пять месяцев плавания прибывает на Яву с рекомендательными письмами Харбаура и немецких ученых, а также с прекрасными отзывами капитана. После личного общения с вновь прибывшим доктором¹⁴ глава колониальных властей Голландской Ост-Индии барон ван дер Капеллен (1778–1848) пришел к убеждению, что «[Господин Зибольд] будет нашим вторым Кемпфером и Тунбергом»¹⁵, и назначил его в торговую миссию на Дэсима¹⁶. Впервые научно-исследовательская работа по изучению Японии рассматривалась как государственная задача: Зибольд направлялся в страну и как врач, и как естествоиспытатель¹⁷. Этот путь

¹⁰ Die Senckenbergische Naturforschende Gesellschaft (Frankfurt am Main) и Keiserlich Leopoldinisch-Carolinische Akademie der Naturforscher (Leopoldina). Первоначально франкфуртское общество предполагало поездку Зибольда в Бразилию.

¹¹ Franz Joseph Harbaug (?–1824), доктор медицины.

¹² На всю голландскую Ост-Индию было четыре врача такого ранга.

¹³ “...der Staat mit ihm einen großen Gewinn macht” (цит. по: Körner H., 1967, S. 362).

¹⁴ После перенесенного приступа ревматизма Зибольд для восстановления здоровья по приглашению барона провел три недели в загородной резиденции генерал-губернатора в Бутензоре.

¹⁵ Отзыв, переданный Зибольдом дяде, пастору Лотцу (письмо от 21.06.1823. Цит. по: Körner H., 1967, S. 364).

¹⁶ После банкротства в 1798 г. Объединенной Ост-Индской компании фактория на Дэсима находилась под прямым управлением генерал-губернатора.

¹⁷ Вспомним, что в свое время для Кемпфера изучение Японии было исключительно личным делом, а Тунберг отправился на Архипелаг при поддержке группы частных лиц.

открывал для начинающего ученого захватывающие дух перспективы. «Мне удалось то, чего я хотел. Теперь мой удел или смерть, или счастливая уважаемая жизнь», — так писал Зибольд своему дяде Лотцу 15 апреля 1823 г.¹⁸ В августе того же года, после интенсивных приготовлений в Батавии и последующего полуторамесячного плавания¹⁹, Зибольд появился в гавани Нагасаки, на самом пороге неведомого.

Интересно, что путешествие немецкого натуралиста имело очень большие шансы закончиться до его вступления на берег, прямо на борту судна. Дело в том, что японские переводчики, участвовавшие в досмотре пришедших из Батавии судов, сразу обратили внимание на акцент и ошибки доктора: Зибольд подпал под подозрение как возможный шпион. К счастью, «языковые особенности» новоявленного голландца были удачно объяснены тем, что он «яма-оранда», т.е. «нидерландский горец» (!). Опасную ситуацию удалось разрядить, и ученый был допущен на Дэсима, где ему предстояло прожить шесть незабываемых лет.

К моменту приезда Зибольда в Японию со времен Тунберга прошло почти полстолетия. Эти годы принесли ощутимые изменения во многих областях знания, ориентированных на *рангаку*²⁰. Прежде всего, были сделаны большие успехи в изучении голландского языка, что, в свою очередь, значительно способствовало прогрессу в японском естествознании и медицине. В стране сформировался и ощутимо расширился круг людей, получавших новую информацию из переводных книг и голландских изданий. Для многих интеллектуалов новые естественнонаучные дисциплины становились предметом глубокого личного интереса, нередко перераставшего в страстное увлечение. Медики и знатоки растительного мира стремились к освоению западной ботаники, и уже появились люди, имевшие некоторое представление о системе Линнея²¹. Натуралисты из числа интересующихся *рангаку* ощущали насущную потребность «живых» контактов с западными коллегами и мечтали получать нужные им знания «из первых рук». В свою очередь, в правящих кругах и среди чиновничьей элиты все больше осознавалась практическая польза и необходимость освоения и распространения в Японии европейских достижений. Все эти благоприятные изменения, как и заинтересованная поддержка голландских властей, заметно улучшали положение Зибольда по сравнению с условиями, в которых работали его предшественники.

В то же время требования к доктору как «человеку европейской науки» возросли многократно. Деятельность Зибольда должна была соответствовать новым задачам и ожиданиям общества, и надо признать, что он успешно отвечал на запросы времени, с энтузиазмом помогая Востоку и Западу познавать мир и связывать его воедино. В Стране восходящего солнца доктор органично влился в ряды передового научного сообщества, закладывавшего фундаментальные основы новой Японии. Более того, фигура образованного европейского натуралиста служила своеобразным магнитом, к

¹⁸ “Es ist mir gelungen, was ich wollte. Meiner hartt itzt entweder der Tod oder ein gluckliches ehrenvolles Leben” (цит. по: Körner H., 1967, S. 364).

¹⁹ Следует заметить, что плавание на парусных судах от Явы до берегов Японии было далеко не безопасным. Так, в 1775 г. только по счастью Тунберг оказался на борту именно того из двух кораблей, которому удалось добраться до места назначения. Из-за жесточайших штормов второе судно не дошло до Японии и было вынуждено встать на ремонт в китайском порту. Что касается Зибольда, то буквально за несколько дней до прибытия в Нагасаки доктору также пришлось пережить беспощадную бурю, испытавшую предел его физических возможностей.

²⁰ Слово *рангаку* фактически являлось термином, обозначающим науки, приходящие в Японию с Запада через посредство голландцев.

²¹ Например, ботаник из Овари Мидзутани Сугэроку (1779–1833), поразивший Зибольда правильными линнеевскими названиями, записанными в двух томиках собственноручных иллюстраций. Эти томики Мидзутани подарил доктору 29 марта 1826 г. при встрече в Мия, произошедшей на пути голландской миссии в Эдо (Siebold, Ph. Fr. 1897. Vol. 1, S. 169).

которому стремились активные деятели японской науки. Зибольд интенсивно занимался наукой и просветительством, и вокруг исследователя создавалась творческая атмосфера, в которой ученый играл роль сильнейшего катализатора созидательных идей и процессов, исходивших из сферы *рангаку*.

Вскоре после приезда доктор получил разрешение обучать нескольких японских врачей, но остров был неподходящим местом для встреч и занятий. Ученики должны были «маскироваться» под ассистентов переводчиков, число которых весьма быстро достигло нескольких десятков. Дальнейшее увеличение этой «толпы» становилось нереальным, а потребность местных специалистов в обучении у «голландского» коллеги возрастала в геометрической прогрессии. Выход из положения нашли уже в 1824 г., когда Зибольд под японским именем купил через посредника небольшой участок земли в долине Нарутаки. Здесь были построены два школьных здания, необходимые подсобные помещения и заложен сад для выращивания лекарственных растений. В Нарутаки доктор еженедельно читал лекции по медицине и естественным наукам и проводил показательные операции, особенно интересовавшие японских медиков. Обучение осуществлялось на основе европейских стандартов, и, получая новые знания, японцы впервые знакомились с западной методикой преподавания, в корне отличной от традиций восточной школы²². Думается, что опыт Нарутаки стал убедительным примером, на практике показавшим пользу образовательных учреждений *рангаку*.

Преподавательская работа требовала сил и времени, но кроме неё Зибольд интенсивно занимался медицинской практикой. Дважды в неделю он принимал пациентов в домах известных переводчиков Нарабаяси и Ёсио, которые не одно поколение специализировались на «врачебной» тематике. В народе и среди коллег успешная медицинская деятельность оставила заслуженную память о Зибольде как о пионере западной медицины.

Однако важнейшей задачей доктора оставалось всестороннее изучение Японии, и эту задачу исследователь решал с невиданным до него размахом. Для остального мира страна все еще сохраняла покров тайны²³, и, несмотря на заслуги предшественников, доктор ощущал себя и во многом действительно оставался первооткрывателем. Эта позиция определяла общую стратегию научной деятельности Зибольда, ту широту интересов, которая делала ученого «жадным» до всего японского, будь то материальные предметы, данные наблюдений или изустные сведения. Положение первопроходца как бы возвращало исследователя в прошлое и неизбежно ставило его в ряд энтузиастов-универсалов «допрофессионального» естествознания, закладывавших фундаменты специализированных дисциплин.

Тематическая широта коллекций Зибольда поразительна, однако не меньшее впечатление производит объем и разнообразие форм собранных им материалов. Так, например, для ботанических целей исследователь «заготавливал» засушенные, заспиртованные, зарисованные и живые растения, а также их части. За время своего первого визита доктор собрал и доставил в Европу 12 тысяч гербарных образцов японской флоры, документирующих около «2000 видов»²⁴, коллекцию растительного

²² Первые западные преподаватели были официально приглашены в Японию для чтения лекций в Токійском университете только в 1877 г.

²³ В 1835 г. (!) генерал-майор Людвиг фон Вельден (Ludwig von Welden), посетивший в Лейдене выставку этнографической коллекции Зибольда, писал в известном немецком ботаническом журнале (*Flora. Jarg.* 18, Bd 2, N 39, S. 668), что до сего времени японцы были известны на Западе примерно так же, как обитатели Луны.

²⁴ Зибольд назвал эту цифру в сентябре 1828 г. в записке, которую подготовил в помощь Генриху Бюргеру (Henrich Bürger, ca 1804–1858), остававшемуся на Дэсима для продолжения коллекционной деятельности своего предшественника и руководителя. В настоящее время документ хранится в Национальном гербарии Нидерландов (NHN).

материала, законсервированного в араке, собрание древесины, семян, клубней, луковиц и живых «экзотов». Благодаря исследователю европейские ботанические сады получили возможность разведения примерно 130 японских видов и разновидностей, новых для западной садоводческой культуры. Выдающийся коллекционер обогатил научные учреждения Европы множеством ценных японских рукописных сочинений и публикаций «растительной тематики». Что касается ботанической иконографии, то, не говоря уже о создании уникальной *Flora delineationibus*, Зибольду удалось «добыть» десятки манускриптов и ксилографов иллюстративного характера.

Такие убедительные результаты вызывают глубокое уважение к масштабной личности коллекционера, работавшего в сложнейшей обстановке. В наши дни трудно даже представить, какими проблемами в условиях старой Японии могла быть чревата для чужестранца-исследователя самая безобидная рабочая ситуация, например наблюдение и сбор растений в природе. Даже для Зибольда с его невиданной свободой сохранялись все те же бесчисленные барьеры, регламентирующие действия натуралиста и препятствующие доступу к объектам. Так, следуя в Нарутаки или к месту приема пациентов по одним и тем же городским улицам, доктор вряд ли мог рассчитывать на обилие флористической информации. Что касается выходов на природу, то они могли совершаться только в ближайших окрестностях Нагасаки, что, по сути дела, заставляло Зибольда повторять пути, пройденные его предшественниками. Кроме того, как уже говорилось, ботанические экскурсии были очень дорогостоящими²⁵, и подобного рода «платный доступ» к объектам, как и непосредственная покупка материалов, решительно «успокаивал» коллекционную деятельность ученого.

В принципе финансовый вопрос был одним из важнейших в ряду многих практических проблем, стоявших перед Зибольдом. Исследователю в очередной раз приходилось изыскивать особые, «альтернативные» пути достижения цели, и он снова находил достойный выход из положения. Оказывая врачебную помощь людям независимо от их общественного положения, «чудесный доктор»²⁶ контактировал с весьма широким кругом пациентов. При этом он не брал денег за свой труд, но с удовольствием принимал разнообразные посылные дары. Такое поведение Зибольда вполне соответствовало японской традиции, согласно которой благодарность за сделанное добро выражалась в форме подношения подарков. «Знаки благодарности», будь то рукотворные предметы или природные объекты, неиссякаемым ручейком вливались в собрания ученого и осязательно их пополняли.

Что касается иллюстративных японских ботанических материалов, и прежде всего интересующей нас «рукописной» иллюстрации, то ее покупка исключалась в принципе. Дарение или обмен были для доктора единственными источниками поступления реалистических изображений, имевших хождение среди натуралистов школы *рангаку* в первой трети XIX в. В числе произведений *Рисованной флоры* упомянутые иллюстрации сформировали примерно третью часть всего состава, причем их включение в коллекцию явилось результатом особой селекции, целенаправленного отбора из общего массива собранных Зибольдом иконографических материалов. Совершенно очевидно, что, занимаясь такой работой, ученый ставил перед собой особые задачи, понимание которых представляется необходимым для оценки существа его личной ботанической иконографии.

²⁵ За все шесть лет пребывания в Японии Зибольд мог позволить себе только пять таких экскурсий.

²⁶ Этот «титул» принесли Зибольду результаты его операций по удалению катаракты.

Ботанические заботы Зибольда и формирование *Flora delineationibus*

Для доктора ботаника была любимой областью естественной истории, и ботанические коллекции относились к сфере индивидуальных интересов ученого, составляли базу задуманной им научной работы. В письме от 15 ноября 1824 г., адресованном в Лейден зоологу Конраду Якобу Темминку (1778–1856), первому директору Музея естественной истории, Зибольд просил о помощи в обработке зоологических материалов²⁷ и тут же недвусмысленно сообщал, что «любимой» ботаникой он займется самостоятельно²⁸. Молодой, полный сил и надежд, страстно увлеченный делом, Зибольд лелеял мечту о новой *Флоре Японии*, которая была призвана сказать свое собственное слово.

Само собой разумеется, что будущий труд должен был обогатить науку сведениями о ранее неизвестных японских растениях. Однако решением одной этой задачи замысел доктора не исчерпывался. Его новая книга преследовала, по крайней мере, еще одну очень важную цель. Она должна была представить растительный мир Японии не только ботаникам-профессионалам, но и широкому кругу интересующихся, прежде всего любителям ботанической науки, садоводства и природы вообще. Успех этих планов означал бы, что японская флора вышла наконец «в свет» и что мировое сообщество получило возможность обозреть растительные богатства страны не только с ботанических позиций, но и оценить их эстетические и даже некоторые практические достоинства.

В обоих направлениях перед Зибольдом расстились равно необъятные, но качественно различные области деятельности. Что касается продолжения научной «переписи растительного населения», т.е. дальнейшего выявления и описания новых для науки растений, то в этой сфере имелся солидный задел, положенный предшественниками, и в первую очередь ботаником Карлом Петером Тунбергом. *Flora Japonica*, принадлежащая упомянутому автору, была для доктора базовой опорой и «первым авторитетом» среди необходимых ему европейских публикаций²⁹. В то же время наличие ботанического задела означало, что поиски нового оказывались возможными только при хорошем знании старого. Это «старое», по мнению Зибольда, составляло $\frac{2}{3}$ от общего числа местных растений, и немецкий натуралист должен был, что называется, «на месте» освоить и уточнить имевшиеся данные. Для доктора пополнение японской флоры начиналось с того, на чем шведский ученый закончил свою деятельность³⁰.

Кемпфер и Тунберг практически исчерпали близлежащие ботанические источники, и успех Зибольда полностью зависел от его личной предприимчивости. Натуралист должен был преодолеть непроходимые препятствия и найти надежный и устойчивый способ получения материалов из удаленных, абсолютно недоступных для иностранца мест. Задача была очень непростой, но и в этом случае доктор нашел замечательное решение. Образно говоря, он начал путешествовать по стране ногами своих друзей: коллег и учеников. Японские студенты Зибольда выполняли специальные задания исследователя (в частности, при написании «дипломных работ») и, обучаясь

²⁷ Конрад Якоб Темминк (Coenraad Jacob Temminck) стал ведущим автором пятитомной *Fauna Japonica*, опубликованной в 1833–1850 гг.

²⁸ “Die Botanik, mein Lieblingsstudium, werde ich allein bearbeiten...” (цит. по: Yamaguchi T., 1997, p. 5).

²⁹ Зибольд прямо говорил об этом в своей работе “Erwiderung auf W.H. De Vriese’s Abhandlung...” (1837. S. 2).

³⁰ При этом Зибольду приходилось учитывать новые сведения и ботанические обработки соседних регионов, пропущенные Тунбергом по той или иной причине.

ботанике, одновременно поставляли ему необходимый фактический материал. Подобный путь пополнения гербарных коллекций как один из вариантов существует и в наши дни. На начальном этапе биологического образования традиционная практика студентов, независимо от их дальнейшей специализации, включает знакомство с базовыми ботаническими методами и предполагает сбор растений по заданию и под руководством преподавателя. На старших курсах будущие ботаники стремятся участвовать в экспедициях в роли коллекторов и уже всерьез овладевают искусством гербаризации. В Вюрцбурге, в свои университетские годы, Зибольд находился под сильным влиянием одного из учителей, друга своего отца и талантливого анатома профессора Игнаца Долингера (Ignaz Döllinger, 1770–1841). Вместе с этим незаурядным педагогом в компании сокурсников он также собирал гербарий в окрестных лесах. В Японии образцы высокой педагогической культуры, усвоенные юным Зибольдом в семейном кругу и университете, сослужили ему хорошую службу. Надо сказать, что и предшественники исследователя добывали информацию и составляли коллекции, используя помощь местного населения. Это был неизбежный путь, подсказанный самой жизнью, но до Зибольда движение по нему определялось внешними обстоятельствами. Заслуга доктора состояла в том, что ему удалось стать в значительной мере независимым от случая. В прокрустовом ложе конкретной реальности ученый выстроил продуманную, целенаправленную стратегию, одновременно решавшую как вопросы ботанического просвещения и обучения японских натуралистов, так и проблему создания предметной основы для изучения японской флоры на Западе.

Приращение гербарных материалов было важнейшим направлением деятельности ботаника, однако кроме гербария существовал еще один надежный источник ботанических данных. Этот источник, имя которому иллюстрация, в период первого визита Зибольда (и еще несколько последующих десятилетий) в самой Японии был основным. В результате, реалистические изображения нередко дарили первую, иногда на долгое время единственную возможность получения достоверных сведений о растениях. По этой причине иллюстрация не могла остаться вне поля зрения доктора. Планируя основательное научное исследование, он создавал ботаническую базу, стоявшую «на двух китах»: гербарных коллекциях и иконографии.

Для сбора гербария Зибольд использовал разные способы и возможности, включая и самостоятельную гербаризацию как в природе, так и на базе созданного им на Дэсима ботанического сада. Однако, как уже говорилось, злободневная ботаническая иллюстрация, бытовавшая в рукописной форме в научной среде того времени, «произрастала» исключительно в личных собраниях местных натуралистов. Именно от них изображения поступали к Зибольду, и надо отдать должное японским деятелям *рангаку*, которые, как Удагава Ёан (1798–1841), Кацурагава Хокэн (1797–1844) и Мидзутани Сугэроку (1777–1833), щедро делились с доктором своими сокровищами и предоставляли в распоряжение исследователя собственноручно выполненные «портреты» растений. Эти уникальные рукописные материалы Зибольд в той или иной мере непосредственно включал в состав формируемой им личной коллекции (илл. 2–4).

Во избежание сугубо современной оценки подобной ситуации следует вернуться к истории развития японской ботаники и вспомнить, что в те времена самостоятельный интерес к растению как таковому, т.е. вне зависимости от его использования, только начинал пробуждаться. Соответственно, местные натуралисты не ставили перед собой задачу исчерпывающего описания региональной флоры. Небольшие рукописные иконографии, распространенные среди натуралистов *рангаку*, по своему содержанию

181. センブリアサナ. *Tulipa latifolia* マキノ氏
江戸時代の表紙本所の草木図説中の西で、戦いアサナがら
特徴が記されている。

Илл. 2

Изображение тюльпана (в колл. N [586]/966), типичное для японских травников своего времени. Краски, японская бумага, 12×25 см. Из наследия Мидзутани Сугэроку. Совр. назв. *Tulipa latifolia* Makino

Илл. 3

Изображение *Atherurus tripartitus* (в колл. N 122/925) работы [Катсурагава Хокен, са 1820]. Краски, суми; трехслойная японская бумага, 25,0×30,9 см. Совр. назв. *Pinellia tripartita* Schott

200. ヨニアアサナ. *Yoonia japonica* マキシム
C. H. de Villeneuve. 蘭名のYooniaアサナの植物による。
蘭名は先づしよ々種に記せしに誤り。

Илл. 4

Изображение *Yoonia japonica* Maxim (в колл. N 649/945) работы [Удагава Ёан, са 1820–1826]. Краски, белила, суми; европейская бумага, 23,6×33,4 см. Совр. назв. *Yoonia japonica* Maxim. Новый род (*Yoonia*) и вид (*japonica*) орхидеи описан К.И. Максимовичем на основе данного изображения и назван в честь японского натуралиста

и масштабу с позиции флориста являлись лишь «кусочками мозаики», которые после соответствующей обработки могли быть включены в общую картину. Составлением этой картины и занимался Зибольд, когда определял, уточнял и, осмысливая в общем флористическом контексте, отбирал необходимые японские иллюстрации из общего состава даров. Объединяя «почерпнутые» и вновь создаваемые изображения, исследователь формировал свою *Рисованную флору*, которая все яснее очерчивала контуры растительного мира Архипелага и оживляла его все выразительнее и красочнее.

Заметим также, что зачастую упомянутые иллюстративные рукописи японских натуралистов играли роль индивидуальных справочных пособий, составляемых владельцами при изучении растений. Нередко этот материал носил рабочий характер и не предназначался для обнародования, тем более «в полном наборе», как целостное произведение (хотя некоторые из иллюстраций впоследствии могли быть использованы в публикациях). Подобные иконографии по-своему документировали процесс изучения флоры, неизбежно включавший определение представляемых объектов и соответствующий обмен информацией. В собраниях Зибольда пример такого рода научно-информационного обмена демонстрируют рукописи с весьма выразительным и вполне исчерпывающим названием *Хондзо сясин*, т.е. *реалистические изображения, или изображения растений как они есть*³¹. Одна из них принадлежит Удагава Ёан, и можно считать доказанным, что это собрание было составлено Зибольдом в ходе многолетней переписки с японским натуралистом³². Последний отправлял западному коллеге ботанические иллюстрации, которые служили обоим основополагающими документами при изучении конкретных таксонов. Изображения, полученные от Удагава, были сохранены Зибольдом под именем отправителя и названием *Хондзо Сясин*. В свою очередь, идентично оформленные собрания иллюстраций обнаружилось в наследии Кацурагава Хокэн и Мидзутани Сугэроку, с которыми доктору также был разрешен обмен корреспонденцией. Все три иконографии названных авторов³³ имеют одно и то же название и состоят из отдельных листов иллюстраций, вложенных Зибольдом в собственноручно надписанные им практически идентичные белые или голубые обложки. Сходная ситуация в отношениях корреспондентов и единообразное оформление позволяют предполагать, что обсуждаемые источники прошли аналогичный путь формирования.

Естественно, что подобные материалы не воспринимались доктором как произведения, содержательная целостность которых должна оставаться неприкосновенной. В итоге их судьба оказалась схожей: часть иллюстраций была включена Зибольдом в состав *Flora delineationibus* и ныне находится в Санкт-Петербурге, а часть осталась в общем массиве и в настоящее время пребывает в Лейдене. Так, в процессе работы с материалами *Хондзо сясин*, описанными под именем Мидзутани (Serr.: N 970, seria altera), нам удалось установить, что из этой рукописи Зибольд перевел в состав *Flora delineationibus* три иллюстрации, в конечном счете оказавшиеся в петербургской коллекции анонимными. Аналогичным образом из иконографии Кацурагава Хокэн (Serr.: N 975[b]) в *Рисованную флору* переместился «портрет» бамбука (*Bambusa pur-*

³¹ Слово *сясин*, подчеркивающее особый, нетрадиционный характер научных изображений, по существу, являлось термином и часто включалось авторами в название ботанических произведений. Заметим, что единственная ботаническая книга дэсимского художника Кавахара Кэйга называлась *Кэйга сясин со* (1836).

³² Факт и содержание переписки доктора Зибольда и Удагава Еан документально отражены в статье профессора Такахаси из университета Окаяма (Takahaši, 2001).

³³ Рукописи хранятся в библиотеке Лейденского университета (Serrurier: N 975[a], N 975[b], N 970, seria altera).

pureus N 41/1048), который по изобразительной манере, по исполнению европейских надписей и другим характеристикам демонстрировал прямую связь с двумя изображениями своих родственников (бамбуков), оставшимися в Лейдене. В свою очередь, собрание Удагава Ёан (Serr.: N 975[a]) недосчиталось 11 иллюстраций, которые доктор счел необходимым включить в петербургское собрание.

Пополняя *Рисованную флору* рисунками из общего массива «даров», Зибольд неизбежно нарушал целостность отдельных источников³⁴ и совокупного наследия того или иного дарителя. Однако в реальной обстановке эпохи, когда ученые рассматривали ботанико-иконографические *документы* прежде всего как фактографическую основу научной работы, такой ход событий был предопределен. Ботаник решал настоящие исследовательские задачи и с позиций науки «по праву» оперировал находящимися в его распоряжении *фактами*. Соответственно этому подходу главным критерием ценности изображений являлось их научное содержание, а художественные достоинства, авторская принадлежность и тому подобные «второстепенные детали» отступали на задний план. Зибольд создавал *флору*, недвусмысленно заявив об этом в самом названии иконографии. Этой целью он и руководствовался при отборе материалов для своего частного собрания. Как и *Флора* Тунберга, труд немецкого натуралиста основывался на принципах линнеевской систематики, но впервые в истории японской ботаники Зибольд предпринял попытку составить подобную флору в *иллюстрациях* и, таким образом, сделать ее широко доступной по содержанию и эстетически привлекательной.

Рисованная флора как ботаническое произведение

В наши дни *Рисованная флора* известна как *коллекция* Зибольда, но она не рассматривалась и не оценивалась как ботаническое произведение. Между тем эта уникальная рукопись, при всем ее своеобразии, представляет собой региональную флору, т.е. относится к определенному типу ботанических работ. Главная цель региональной флоры состоит в том, чтобы исчерпывающе отобразить состав растений, естественно произрастающих в той или иной местности, и дать описание каждого вида, рода, семейства и т.д. В описании фиксируются важнейшие характеристики, которые позволяют уверенно «опознать» растение среди «ближайших родственников». Содержание флоры излагается по определенному плану, который соответствует принятой системе классификации и, как правило, *дополняется* иллюстрациями, предназначенными для наглядного пояснения текста и помощи при определении. По такому плану строилась *Флора Японии* Тунберга, не исчерпывающая, но включившая описания более 800 видов и 39 иллюстраций. *Рисованная флора*, по современным определениям, представляет около 720–730 таксонов и по охвату растительного мира имеет равное право именоваться флорой. Другое дело, что описания представлены здесь в изобразительной форме, которая всегда пользовалась особой популярностью среди любителей растений и начинающих ботаников.

При отсутствии профессионального образования составление и использование вербального научного описания вызывает затруднения и даже становится невозможным³⁵. В то же время реалистический «портрет» растения, выполненный с учетом

³⁴ Случаи изъятия иллюстраций из переплетенных лейденских рукописей или складывающихся альбомов нам неизвестны.

³⁵ Создание «словесного ботанического портрета» требует основательной теоретической подготовки, хорошего практического знания объекта и круга его родства, а также владения латинским языком, который до настоящего времени является интернациональным для подобного рода научной документации.

ботанических требований, дает точную и легко воспринимаемую информацию. Он помогает избежать ошибок, почти всегда сопровождающих дилетанта при погружении в «глубины специальности». Качественное изображение может служить тем надежным основанием, которое объединяет усилия любителя и профессионала, позволяя обоим вести внятней, плодотворный и равноправный диалог. В ситуации доктора Зибольда, который при всех своих знаниях не относился к профессиональной элите ботаников-систематиков, иллюстрация оказывалась совершенно незаменимой. Исследователь, обладавший внимательным и острым глазом, воспользовался достоинствами «графического описания», которое стало для него излюбленным способом отражения и закрепления пионерного знания. Для немецкого натуралиста подготовка *Флоры в иллюстрациях* явилась необходимым шагом на пути к созданию научного труда, соответствующего ботаническим стандартам времени³⁶.

В период накопления знаний и становления ботаники исключительная ценность рисунка не ограничивалась «частными случаями»: повсеместно, как в Европе, так и в Японии, иллюстрация была признанным средством документирования и информации. Изображения растений, все более реалистические и точные, сопровождалась определениями (названиями) и составляли основу широко востребованных источников. В Стране восходящего солнца изобразительные «лексиконы» не только ботанических, но и других биологических объектов уже в XVIII в. стали, по существу, традиционными. На рубеже между эпохой травников и ботанической наукой подобные наглядные справочники являлись необходимым скрепляющим звеном в единой цепи познания. Они долгое время оставались злободневными как в профессиональной, так и в любительской среде и навсегда вошли в золотой фонд ботаники. В XIX в. примером подобных произведений могут служить такие известные работы, как *Хондзо дзуфу* (Иллюстрированное описание растений)³⁷, созданная Ивасаки Цунэма (Каньэн) (1786–1842), и *Сомоку дзусэцу* (Иллюстрированный определитель растений)³⁸, автором которой является Иинума Ёкусай (1782–1865). Масштабный труд Иинума долгое время служил одним из основных отечественных справочников по японской флоре. В условиях страны, где новая наука рождалась на иноязычной теоретической базе и, как следствие, испытывала языковые трудности понимания и перевода специальной литературы, внятней голос научного изображения звучал особенно убедительно.

Flora delineationibus, использовавшая широкую доступность и точность тщательно подготовленных иллюстраций, открывала линнеевский ряд ботанических произведений, которые представляли флору Японии в изобразительной форме³⁹. «Текстовая часть» рукописи сводилась к необходимому минимуму, т.е. к определениям изобра-

³⁶ В дальнейшем Зибольд осознал необходимость сотрудничества с профессионалом и, несмотря на первоначальное намерение сохранять «ботаническую самостоятельность», по возвращении в Европу продолжил работу над материалами в соавторстве с профессором ботаники Ёзефом Герхардом Цуккарини (Jozeph Gerhard Zuccarini, 1797–1848).

³⁷ Травник в 96 томах, построенный по старой китайской системе классификации, содержит более двух тысяч изображений. Сложная и длительная первоначальная история его обнародования началась в 1830 г. и продолжалась до 1844 г., причем большая часть томов распространялась в рукописной форме. По данным профессора Ю. Кимура, ксилографическое издание полностью было осуществлено только в 1916–1921 гг. (см.: Siebold's Florilegium of Japanese plants, 1993, v. 2, p. 9–10).

³⁸ Тридцатитомный труд Иинума ориентирован на западные стандарты и представляет растения под их японскими и латинскими названиями. Двадцать томов, посвященные травам (1201 вид), были опубликованы на средства автора в 1856–1862 гг. Вторая часть произведения, включавшая деревья, долгое время оставалась в рукописном варианте и была издана лишь спустя столетие, в 1976 г.

³⁹ Упомянутое выше произведение Иинума Ёкусай встает в этом ряду непосредственно за *Flora delineationibus*.

жений⁴⁰, и изредка дополнялась сведениями об авторстве рисунка или краткими фенологическими, историческими и прочими замечаниями. Будучи целостной работой, *Рисованная флора* одновременно служила первоначальным материалом для ботанических исследований Зибольда и его современников. Соответственно этим исследованиям отдельные иллюстрации в той или иной мере привлекались для прояснения научной ситуации и даже непосредственно использовались в публикациях⁴¹. Это обстоятельство затушевывало содержательную самостоятельность *Flora delineationibus*: её иллюстрации получали известность в составе конкретных произведений, по отношению к которым иконография играла роль «материнской почвы».

«Любительский консерватизм» Зибольда в оценке статуса и выборе стандартов иллюстраций

Доктор Зибольд избрал изображение одним из двух главных объектов ботанического коллекционирования и был в этом выборе вполне объективен. Натуралист в полной мере осознавал и ценил документальные достоинства иллюстрации и, с другой стороны, учитывал свои профессиональные ограничения в ботанической области. Однако прежде всего исследователь как никто другой видел преимущества и понимал значение изображения в особых условиях Японии. Для местных натуралистов рисунок являлся неотъемлемой частью отечественного научного инструментария. Он служил общепризнанным и широко распространенным способом «ботанического познания», в то время как гербаризация еще проходила в Японии этап становления и укоренения. Немаловажным было и то обстоятельство, что в климатических условиях страны и бытовой обстановке того времени изображение было более удобно в использовании и менее уязвимо при хранении, перевозке и пересылке, чем засушенные растения.

На западном «ботаническом фоне» позиция Зибольда по отношению к рисунку была определенным исключением. Так, уже для Карла Петера Тунберга (за 50 лет до первого визита Зибольда!) иллюстрация не являлась объектом первостепенной значимости, и это было неудивительно для ученика Линнея, которому слова учителя о превосходстве гербария над изображением (“Herbaria praestant omni icone”) служили руководством к действию. С тех давних пор возрастающий объем и углубление научных знаний, иной масштаб и уровень задач все настойчивее требовали от исследователей строгой концентрации внимания и экономного расходования сил и средств. «Гербарный акцент» неуклонно усиливался, и можно сказать, что к началу деятельности доктора вполне утвердился в ботанической среде.

Спустя тридцать лет после Зибольда приоритеты профессии ярко продемонстрировал российский ученый Карл Максимович (1827–1891), работавший в Японии в 1860–1864 гг. В отличие от Тунберга, не обладавшего изобразительным даром, рисунок как ботанико-морфологический метод был освоен Максимовичем с детства. Карл Иванович хорошо «владел карандашом», высоко ценил возможности иллюстрации и, в частности, говорил, что «рисунки лучше всякого описания могут заменить самые экземпляры растений» (Извлечения из протоколов, 1872, с. 305). Академик в изобилии оставил собственноручные изобразительные «анализы» деталей структуры, которые рассыпаны в его наследии в виде приложений к гербарным листам, на страницах рукописей и книг личной библиотеки. В то же время знаменитый ботаник со-

⁴⁰ В полном варианте иллюстрация сопровождалась латинским, а также китайским и японским названиями, которые нередко приводилось также в латинской транскрипции.

⁴¹ В общей сложности из более чем тысячного состава *Рисованной флоры* были опубликованы около 150 иллюстраций, что заведомо не исчерпало содержания коллекции.

вершенно не включал в состав своих японских коллекций *научно-художественные* иллюстрации. Подобная избирательность, на наш взгляд, объясняется профессиональной целесообразностью действий Максимовича, стремившегося обойтись минимально необходимыми «производственными затратами». Подход к ботаническому изображению, продемонстрированный профессионалами, Тунбергом и Максимовичем, для Зибольда был неприемлем. В его восприятии рисунок не уступал гербарии и в какой-то мере даже выдвигался на первый план. Заметим, что сосредоточенность Карла Ивановича на гербарии не случайно имела следствием подготовку первого профессионального японского ботанического коллектора (сборщика гербария) Сугава Тёносукэ (1842–1925), в то время как Зибольд сыграл ключевую роль научного наставника в становлении первого японского ботанического художника Кавахара Кэйга (1786–са 1862).

В конце XVIII в. *Флора Японии* Тунберга, несмотря на общественный интерес, увидела свет в экономичной, рассчитанной на специалистов форме. Автор удовлетворился скромным изданием с немногочисленными черно-белыми иллюстрациями, для которых «позировали» гербарные, т.е. засушенные, мертвые образцы. Однако заинтересованное культурное сообщество, в котором профессиональные ботаники составляли лишь очень небольшую часть, не могло довольствоваться «сухими», сугубо научными документами. Для доктора Зибольда, влюбленного в Японию, красота страны была ее неотъемлемым качеством, и мир должен был узнать об этой красоте. Исследователь чувствовал, что прелесть японских растений сама по себе заслуживает представления на мировой сцене. По этой причине особое значение приобретал для ученого стандарт изображения, сохранявший самую тесную связь с искусством. При бесспорном приоритете науки новая *Флора* рисовалась ему в ряду роскошно иллюстрированных изданий уходящей европейской традиции «золотого века ботаники». В своей книге Зибольд хотел видеть *научно-художественные* изображения, позволявшие выполнить долг перед армией любителей ботаники, так долго томившихся в неведении о японских ботанических сокровищах.

Молодой ученый не был (и не мог быть) профессионалом во всех многочисленных естественнонаучных дисциплинах, для которых он собирал разнообразную информацию. Однако «всякая медаль имеет две стороны», и нельзя забывать, что «широкий обзор», свойственный *натуралисту*, замечательно гармонизировал ситуацию запоздалого знакомства Японии с Западом. Зибольд стоял на целостной почве естественной истории, которая удерживала исследователя от движения по единственной дороге, «близкой сердцу» узкого специалиста. Эта почва позволяла сохранить общий баланс, соблюсти определенное равновесие интересов. Что касается ботаники, то, обращая взгляд исследователя на ботаническое *искусство*, «любительство» Зибольда и здесь обернулось привлекательной для общества гранью.

28 гравюр, опубликованных Кемпфером, и 39 скучных «посмертных зарисовок» во *Флоре Японии* Тунберга вкуче с прочими черно-белыми изображениями⁴² отражали лишь каплю в море японских растений. К тому же обе названные «главные книги» давно ушли из круга любительской ботаники и стали почти исключительным достоянием профессиональной сферы. Для Зибольда было бы не слишком сложно превзойти эти публикации по числу и качеству изображений, однако, по мысли исследователя, его работа должна была решительно отличаться самим статусом иллюстраций. Красочные «портреты» растений, выполненные с натуры по законам ботанического

⁴² В 1791 г. в Лондоне были изданы *Icones selectae plantarum*, куда вошли 59 ранее не публиковавшихся практически эскизных иллюстраций из наследия Кемпфера. В 1794–1805 гг. Тунберг опубликовал в Упсале *Icones plantarum japonicarum*, содержащие 50 таблиц.

искусства, наряду со словесным описанием должны были документировать *каждый таксон* задуманной доктором *Флоры*. В этих обстоятельствах иллюстрация покидала второй план и становилась равноправной частью профессионального научного издания. В то же время она делала его привлекательным и содержательно доступным, как минимум, для всех заинтересованных любителей растений. Что касается текста, то и в текстовой части доктор соблюдал принцип «два в одном» и на ботаническом материале продолжал знакомить западного читателя с *Японией*. В его книге классические латинские описания растений были дополнены «нестандартной», преимущественно этноботанической информацией, важной и желанной для всех читателей, интересующихся Страной восходящего солнца.

Мечтая о будущей книге как об открытом празднике знакомства с японскими растениями и *Японией*, ученый не отделял эту мечту от намерения создать профессиональный труд, соответствующий научным требованиям времени. Натуралист ставил перед собой высокие и сложные цели, посильные лишь подлинному энтузиасту, труженику и оптимисту. Его великолепно иллюстрированная *Флора* «перекидывала мост» между современной Зибольду профессиональной ботаникой, все дальше уходившей в специальные сферы, и ее недавним публичным прошлым, когда культурное общество живо интересовалось «новостями с ботанического фронта». Этот мост прочно опирался на оба берега — научный и любительский интерес — и располагался на оживленной «главной дороге», объединявшей разных путников⁴³. Новой флоре суждена была долгая жизнь.

Уникальная сердцевина *Flora delineationibus*: японские изображения европейского типа

Стандартом, образцом для изображений будущей книги была избрана научно-художественная иллюстрация, восхищавшая многие поколения европейцев. Это специфическое искусство, способное объединить достоинства научного документа и декоративно-художественного произведения, вполне отвечало запросам Зибольда. Однако работа в упомянутом жанре требует от исполнителя особого мастерства, одной из основ которого является специальная ботаническая подготовка и практический опыт. Для подобных произведений натурная практика считается общепринятой нормой, но она становится незаменимой при «первом знакомстве», т.е. при изображении ранее неизвестных растительных объектов⁴⁴. Между тем в первой трети XIX в. немногочисленные виды живых японских трав и деревьев были в Европе редкостью. Еще более редкой оказывалась возможность увидеть цветущие и плодоносящие экземпляры, готовые к «ботаническому позированию». Общая ситуация не позволяла надеяться на скорые перемены. Японские экзоты добывались с трудом, а исключительная сложность их доставки оказывалась дополнительным препятствием для распространения на европейском континенте. Несмотря на все усилия, большинство живых растений Архипелага, отправляемых к далеким западным берегам, не выдерживали тягот пути и не добирались до места назначения⁴⁵. Требовались время и

⁴³ Успех издания оправдал надежды автора. *Флора* Зибольда и Цуккарини стала всемирно известной и получила широкое научное и общественное признание.

⁴⁴ Впоследствии доктор с гордостью подчеркивал, что его *Рисованная флора* практически полностью была составлена из работ, выполненных с натуры.

⁴⁵ Так, по данным Зибольда за период с 1829 по 1844 г., он сам и сотрудничавшие с ним коллекторы послали в Нидерланды 733 живых экземпляра, из которых только 231 растение пережило длительного путешествия.

упорный труд исследователей, коллекторов и садоводов, чтобы расширить «японский ассортимент» и, в частности, обеспечить условия для натурной работы западных ботанических художников. Все эти обстоятельства делали неизбежной попытку решить вопрос на месте и заставляли Зибольда задуматься о «портретировании» объектов на их родине.

Выполняя свои ботанические задачи, доктор положил за правило обязательно иллюстрировать растение, если оно было ему незнакомо или представляло какой-то особый интерес. Эта важная установка обеспечивала накопление научной информации, но личные зарисовки Зибольда в большинстве случаев представляли собой непритязательные карандашные скетчи, подобные тем, что сохранились в *Материалах к работе Flora Japonica* (СПб отделение Архива РАН, разряд IV, опись 1, ед.хр. 413). Качественные натурные изображения, способные удовлетворить и ученого, и любителя ботанического жанра, могли выйти только из рук профессионального художника. Между тем в Японии неоткуда было взяться мастеру европейского жанра, а образцы национальной ботанической иконографии наглядно демонстрировали несоответствие западным стандартам и традициям. Так, «восточные рисунки» из состава «даров» прекрасно вписывались в содержание *Рисованной флоры*, но не могли быть непосредственно использованы в европейском научном издании в качестве иллюстраций. Естественно, что в начале пребывания на Дэсима Зибольду казалось очевидным, что для создания задуманных изображений ему необходим западный рисовальщик.

Приезд на остров европейского иллюстратора становился необходимым условием работы и очень заботил Зибольда, который не мог бесплодно тратить в ожидании драгоценное время⁴⁶. В подобных обстоятельствах легко вообразить себе радость исследователя, когда он убедился, что сложная проблема может быть решена местными силами: единственный художник, допущенный на Дэсима, стремился к сотрудничеству и подавал небезосновательные надежды. Работа над созданием «портретной галереи» японских растений началась ранней весной 1824 г., когда Кавахара Кэйга (1786–1862) выполнил первый ботанический заказ натуралиста — иллюстрацию горлицы (*Adonis sibirica* N 100/4). Событие было настолько важным для Зибольда, что на обороте рисунка ученый сделал памятную запись, удостоверяющую для потомков момент зарождения уникальной сердцевины *Рисованной флоры*⁴⁷.

Личная ботанико-иконографическая коллекция была для доктора любимым детищем, которому уделялось огромное внимание. Формируя иконографию, ученый не ограничивался обычными рамками деятельности коллекционера и, вне всякого сомнения, являлся интеллектуальным автором своей *Флоры в иллюстрациях*. К тому же сотрудничество с ботаническим художником, служившее ключевым моментом в создании новой японской ботанической иллюстрации, в отношениях Зибольда и Кавахара наполнялось многоплановым содержанием. На протяжении шести лет доктор был основным заказчиком ботанических произведений Кэйга-сан. Зибольд стимулировал творческую направленность художника и определял выбор объекта, но, главное, он успешно выполнял функции ботанического наставника. В меру своих возможностей натуралист *воспитывал мастера жанра*. Как следствие иллюстрации, создаваемые

⁴⁶ Запрос доктора по поводу европейского рисовальщика, отправленный в Батавию уже через несколько месяцев после прибытия в факторию, был удовлетворен только в августе 1825 г., когда незадолго до отправления миссии в Эдо на остров прибыл К.Г. де Вильнёв (Villeneuve, Carl Hubert de, ? — после 1859).

⁴⁷ На обороте иллюстрации доктор Зибольд записал карандашом: “Die erste im Jahre 1824 unter den vom Maler Toioske gezeichnete Pflanze” ((Первое [растение], в 1824 [году] зарисованное среди прочих художником Тойоске). Доктор определил изображенный объект как горлицы сибирский, но, по современным представлениям, на «портрете» представлен горлицы амурский (*Adonis amurensis* Regel), вид, описанный российским ботаником Регелем в 1861 г., почти через сорок лет после создания иллюстрации.

Кавахара, не были для Зибольда результатом сторонней работы рисовальщика, доставшейся ученому в готовом виде. Заметим, что ботанический сад, основанный доктором на Дэсима, предоставлял ботанику и художнику возможность совместного свободного (и достаточно широкого) доступа к живым объектам и служил прекрасной базой для обучения иллюстратора⁴⁸. В итоге всех усилий уникальный творческий союз увенчался созданием произведений, вошедших в мировой фонд ботанического искусства. Около трех сотен лучших работ Кэйга, включенных в состав *Flora delineationibus*, составляют предмет особого интереса и навсегда останутся примером плодотворного содружества и взаимопонимания «людей из разных миров» (илл. 5).

Произведения Кавахара, ориентированные на европейские стандарты, и дары японских натуралистов, выполненные в восточной традиции, составили основное флористическое содержание коллекции. Они сформировали органичное «двухчастное» тело *Рисованной флоры*, подлинно японское «ядро» собрания. В период второго визита Зибольда в Страну восходящего солнца эта часть *Рисованной флоры* обогатилась работами молодого художника Тококу Симидзу (1841–1907), привнесшего прищипку ему новые краски (илл. 6).

В итоге более 700 произведений вошли в состав основного корпуса иллюстраций, японских по исполнению и месту рождения растений и их портретов. «Живая плоть» коллекции была японской, но энергию для ее жизни и дальнейшего развития давал «европейский дух», усвоенный уникальным организмом иконографии.

Европейская часть коллекции

Покинув родные пределы, *Рисованная флора* более 30 лет провела вместе с Зибольдом в Европе, где в ее состав влились более чем две сотни иллюстраций, которые, впрочем, часто представляли не новые таксоны, а новые портреты уже «зафиксированных» в коллекции видов растений. Иконография прирастала на континенте работами, большая часть которых предназначалась для публикации в научных трудах исследователя, и прежде всего в его всемирно известной ботанической книге *Flora Japonica*⁴⁹. На базе живых растений и гербарных образцов европейские художники по заказу Зибольда создавали новые самостоятельные произведения, однако при недостатке базовой информации *Рисованная флора* неизбежно включалась в процесс создания «таблиц»⁵⁰. Прежде всего, японские иллюстрации играли в этом процессе роль фактографического материала, который в зависимости от обстоятельств мог использоваться в большей или меньшей степени. Иногда европейцы заимствовали лишь цвет или отдельные мотивы и элементы изображений, однако примерно для пятой части опубликованных таблиц копировались основные фигуры иллюстраций Кавахара Кэйга. В последнем случае японский вариант, как минимум, всегда уточнялся и дополнялся в соответствии с ботаническими требованиями, а также подвергался адаптации для западного восприятия. *Рисованная флора*, сохранившая «исходные» работы дэсимского мастера, многое рассказала об истории подготовки первой богато иллюстрированной японской флоры «нового образца» и, в частности, пополнила список создателей *Flora Japonica*, став прямым свидетельством вклада Кавахара в это прекрасное издание (илл. 7–8).

⁴⁸ В октябре 1825 г. в письме к Х.Г. Нис фон Эсенбек (Nees v. Esenbeck, Christian Gottfried, 1776–1858), впоследствии опубликованном (Siebold, Ph.Fr. Einige Worte über den Zustand der Botanik auf Japan...), доктор сообщал, что в ботаническом саду на Дэсима выращивается «больше тысячи растений Архипелага...».

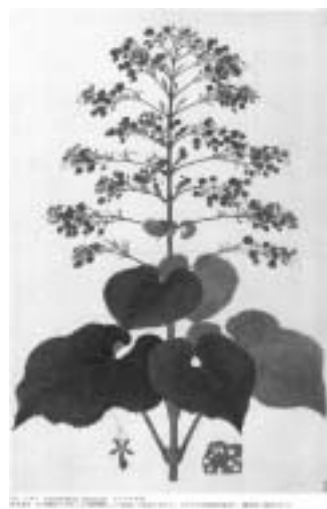
⁴⁹ Из 150 иллюстраций книги в коллекции полностью отсутствуют оригиналы лишь четырех таблиц (№ 46, 71, 137, 144).

⁵⁰ Во *Flora Japonica*, как и во многих ботанических изданиях, иллюстрации именуются таблицами.

Илл. 5

Изображение *Rosa multiflora* (в колл. N355/370) работы Кавахара Кэйга [1825–1828]. Краски, белила, суми; европейская бумага, 24,0×32,7 см. Совр. назв. *Rosa multiflora* Thunb. Ex Murrey

Илл. 6

Изображение *Clerodendrum squamatum* (в колл. N 224/702) работы Тококу Шимицу [1861]. Краски, белила, суми; европейская бумага, 38,8×57,5 см. Совр. назв. *Clerodendrum japonicum* Sweet

Илл. 7

Изображение *Anemone cernua* (в колл. N 28/6) работы Кавахара Кэйга [1824–1825]. Краски, белила, суми; европейская бумага, 23,7×32,4 см. Современное название *Pulsatilla cernua* Spreng

Илл. 8

Изображение *Anemone cernua* (в колл. N 822/8) работы С. Минзингера [ca 1835]. Акварель, серебро, тушь, карандаш; европейская бумага, 23,5×32,4 см. Современное название *Pulsatilla cernua* Spreng

Личная ботаническая иконография доктора Зибольда явилась результатом индивидуальной интеллектуальной работы немецкого натуралиста, но, с другой стороны, она была плодом коллективных усилий, исключительным для своего времени примером совместного творчества европейских и японских авторов. «Три составные части» коллекции объединились в едином теле *Flora delineationibus* и образовали целостный организм. В то же время каждая из этих частей — «дозибольдовские» изображения «даров», работы японских профессионалов изобразительного искусства и европейский массив иллюстраций — имела собственное, присущее только ей научное, художественное и историческое своеобразие. В ближайшем будущем каждому из перечисленных «разделов», как и российскому периоду истории *Рисованной флоры*, мы предполагаем посвятить две-три отдельные статьи.

Список литературы

- Военский К.* Русское посольство в Японию в начале XIX века (Посольство Резанова в Японию в 1803–1805 гг.) // Русская старина, октябрь 1895. Т. 84. С. 201–235.
- Грубов В.И., Бородина-Грабовская А.Е.* Сотрудничество К.И. Максимовича с японскими ботаниками в изучении флоры Японии // Ботанический журнал. 2001. Т. 86, № 9.
- Извлечения из протоколов // Записки императорской Академии наук. 1872. Т. 21.
- Максимович К.И.* Краткий отчет о путешествиях в Амурский край и Японию в 1856–1864 гг. // Журнал Министерства государственных имуществ. 1864, с. 433–452.
- Путешествие по Японии, или описание Японской империи в физическом, географическом и историческом отношениях. Т. I–II. Санкт-Петербург, 1854.
- Черная Т.А.* Ботаническая страница в изучении Японии XIX в. (по материалам коллекции рисунков Ф.Ф. Зибольда // XIX научная конференция по историографии и источниковедению истории стран Азии и Африки. СПб., 1997. С. 151–157.
- Barnes P.* Japan's botanical sunrise. Plant exploration around the Meiji restoration // Curtis's Bot. Mag. 2001. Vol. 18, pt 2. P. 117–131.
- Blume C.L.* Rumphia, sive commentationes botanicae imprimis de plantis Indiae orientalis. 4 vols. Leiden, 1835–1848.
- Hara Hiroshi.* Nomenclatural notes on some Asiatic plants, with special reference to kaempferi Amoenitatum exoticarum // Taxon. 1977. Vol. 26, № 5–6. P. 584–587.
- Kaempfer E.* Amoenitatum exoticarum politico-physico-mediciarum fasciculi V, quibus continentur variae relationes observationes et descriptiones rerum persicarum et ulterioris Asiae. Lemgo, 1712.
- Kaempfer E.* Icones selectae plantarum, quas in Japonia collegit et delineavit Engelbertus Kaempfer; ex archetypis in Museo Britannico asservatis... L., 1791.
- Kerlen H.* Catalogue of pre-Meiji Japanese books and maps in public collection in the Netherlands. Amsterdam, 1996.
- Körner H.* Die Würzburger Siebold: Eine Gelehrtenfamilie des 18. und 19. Jahrhunderts. (Lebensdarstellung deutscher Naturforscher herausgegeben von der Deutschen Akademie der Naturforscher Leopoldina; N 13). Leipzig, 1967.
- Kouwenhoven A. & Forrer M.* Siebold and Japan: His life and work. Leiden, 2000.
- Serrurier L.* Bibliothèque Japonaise. Catalogue raisonné des livres et des manuscrits japonais enrégistrés à la Bibliothèque de l'Université de Leyde. Leyde, 1896.
- Siebold A. F.Ph.Fr.* von Siebold's letzte Reise nach Japan, 1859–1862. Berlin, 1903.
- Siebold Ph.Fr.* Einige Worte über den Zustand der Botanik auf Japan, nebst eine Monographie der Gattung Hydrangea und einigen Proben Japanischer Literatur über die Kräuterkunde / Nova Acta Leop., 1828. Bd XIV, Abt. 2. S. 671–696.
- Siebold Ph.Fr.* Erwiederung auf W.H. de Vriese's Abhandlung "Het gesag van Kaempfer, Thunberg, Linnaeus en anderen, omtrent den botanischen oorsprong van den stern-anijis des handles gehandhaaft tegen Dr. Ph.Fr. Von Siebold en Prof. J.G. Zuccarini". Leiden; Leipzig, 1837.

- Siebold Ph.Fr.* Flora Japonica sive plantae, quas in imperio Japonico collegit, descripsit, ex parte in ipsis locis pingendas curavit Dr. Ph.Fr. de Siebold. Regis auspiciis edita. Sectio prima continens plantas ornatui vel usui inservientes. Digessit Dr. J.G. Zuccarini, ...centuria prima. Lugduni batavorum, 1835–[1841]; volumen secundum, ab auctoribus inchoatum relictum ad finem perduxit F.A. Cuil. Miquel. [1842–1870].
- Siebold Ph.Fr.* Nippon. Archiv zur Beschreibung von Japon und dessen Neben- und Schutzländern Jezo mit den südlichen Kurilen, Sachalin, Korea und den Liukiu-Inseln. Vol. I–II, Hrsg. von seinen Söhnen. 2 Aufl. Würzburg; Leipzig, 1897.
- Siebold Ph.Fr.* Synopsis Plantarum Oeconomiarum universi Regni Japonici / Verh. Batav. Genootsh. Kunst. Wet., 1830. N 12. P. 1–75.
- Siebold Ph.Fr.* Voyage au Japon, executé pendant les années 1823 à 1830, ou description physique, géographique et historique de l'Empire Japonais, de Jezo, des Iles Kuriles meridionales, de Krafu, de la Corée, des Iles Liu-Kiu, ect. T. 1–2, Atlas. P., 1838.
- Siebold's Florilegium of Japanese plants = Florilegium plantarum Japonicarum Siiboldii: Held in the Library of the Komarov Botanical Institute, a subsidiary of the Library of the Russian Academy of Science, St.Petersburg / Ed. by Yojiro Kimura, Grubov, Valerii. I; Vol. III. Tokyo, 1993.
- Schneider H.* Philipp Franz von Siebold: Der wissenschaftliche Entdecker Japans aus Würzburg, 1796–1866. Würzburg, [cop. 1999]
- Smit P.* The Rijksherbarium and the scientific and social conditions which influenced its foundation // Blumea. 1979. Vol. 25, N 1. P. 5–11.
- Takahaši T.* Yoan Udagawa's works in Siebold's Florilegium of Japanese Plants // Journal of Humanities and Social Science Okayama University. 2001, vol. 11. P. 201–218.
- Tchernaja T.A.* The C.P. Thunberg collection Icones Plantarum Japonicarum (ineditae) and its history in Russia // C.P. Thunberg's drawings of Japanese plants. Tokyo, 1994. P. 353–370.
- Tchernaja T.A.* Japanese Botanical Art and Illustrations from Siebold's Collection. The Treasures of the Library of the Russian Academy of Sciences // The Komarov Botanical Library, St. Petersburg. [Catalogue of the exhibition, 2002–2003. Selected and supervised by T.A. Tchernaja; Essay and comment. by T.A. Tchernaja. Tokyo, 2002].
- Tchernaja T.A.* Philipp Franz von Siebold's Flora Japonica delineationibus ac picturis illustrata and its history in notes and inscriptions on the illustrations Siebold's Florilegium... Vol. II. P. 41–54.
- Thunberg C.P.* Flora Japonica sistens plantas insularum japonicarum... Lipsiae, 1784.
- Von Siebold's Botanical Treasures in Leiden. Leiden, ETI/NHN, 2000. [CD]
- Von Siebold Nachrichten aus Japan. [Brief von Ph.F. v. Siebold an Ch.G. Nees v. Esenbeck; Deshima 20.12.1827] // Flora oder Bot. Zeitung. 1828. Jg. 11. S. 753–762.
- Vos K. & Forrer M.* Kawahara Keiga. Fotograaf zonder camera = Photographer without a camera. [Catalogue of the exhibition], Rijksmuseum voor Volkenkunde. Leiden, 1987.
- Yamaguchi T.* Von Siebold and Japanese Botany // Calanus. 1997. Special Numbers I.
- Yamaguchi T. & Kato N.* The material of the species dealt in von Siebold's Flora Japonica // Calanus. 1998. Special Numbers II: 1–446.
- Yasuda K.* Siebold and the Russian government: introduction to a newly discovered collection of letters // Siebold's Florilegium... Vol. II. P. 35–40.

Summary

T.A. Tchernaja

Siebold's Collection of Botanical Illustrations

Flora Japonica Delineationibus

I. History of its creation and existence during Siebold's life.

The article sheds some light on how doctor Philip Franz von Siebold created his unique collection of botanical illustrations portraying Japanese plants. A special consideration is given to factors and circumstances that defined peculiarities of the delineations and specific features of the collection as a whole. These peculiar terms had played their part and enriched scientific, artistic and historical content of the collection.

Philip Franz von Siebold, Japan, botanical art, botanical illustration, Kawahara Keiga.